

РАССКАЗ АРТИСТКИ НЕХАМЫ ЛИВШИЦ.

О ПЕСНЕ ШИКИ ДРИЗА "КОЛЫБЕЛЬНАЯ БАБЬЕМУ ЯРУ"

из сборника "Бабий Яр", 1981 год, Израиль.

Я пела в Киеве 13 ноября 1959 года. В первый и в последний раз. Больше я не получила разрешения выйти на киевскую сцену, и в этом не было ничего необычного после того, как в 1948 и 1953 годах разгромили всю еврейскую культуру, да и вообще и до меня мало кого из еврейских исполнителей допускали в "священный Киев-град". Даже таким известнейшим артистам, как Райкин и Утёсов, перед допуском в Киев требовалось пройти унижительную процедуру прослушивания киевским начальством, так что они туда вообще не выезжали с гастрольями.

Но коль Меир Браудо, мой добрый приятель и "импрессарио", поставил перед собой цель "взять" Киев, сомнений не могло быть, что и в этом деле он преуспеет. История этого "взятия" требует отдельного описания, столько в ней фантастики и приключений. Короче: я впервые в Киеве, меня захватывает красота вольного Днепра среди зелёных холмов, и это чувство не способны испортить кренделеобразные безвкусные здания "новой советской архитектуры" на Крещатике. Только вот у Софиевского собора летящий с шашкой наголо Хмельницкий наводит на меня, вероятнее всего уже засевший в генах, ужас гибели.

Я встречала киевских евреев, по южному подвижных и приветливых, но было у меня такое ощущение, что на них всех лежит уже навечно гибельная тень шашки Хмельницкого и Бабьего Яра. Ведь он всегда тут рядом, неподалёку, Яр у Днепра. эта вечная кровавая рана нашего народа.

И я уже знала, что буду им петь.

Ведь и намёка на памятник не было в этом Яру. И я думаю, единственным памятником в те дни была "Колыбельная Бабьему Яру" композитора Ривки Боярской и поэта Шики (Овсея) Дриза.

Я не знаю точной даты, когда создали они эту песню. Думаю, май 1958 года, когда я впервые выступила в Москве, особенно стал для меня вехой в жизни, ибо я встретила поэта Шику Дриза. Он и повёз меня к Боярской послушать "Колыбельную".

Ривка Боярская уже тогда была прикована к постели. Без надрыва, но с невыносимой глубиной, от которой окаменевают на месте, она "провыла" этот Плач. Я сидела, окаменев, в её убогой квартирке в запущенном доме, что напротив Московской консерватории, где она жила с мужем, театральным критиком Любомирским. Я не могла подняться с места. Дриз почти вынес меня на улицу.

Я унесла с собой этот Плач. Пианистка Надежда Дукстуськайте, которая тогда была со мной в Москве, сама потерявшая единственного ребёнка в гетто Каунаса, нашла к песне строгие аккорды, и вместе с ней мы искали пути к исполнению, ведь это нельзя назвать ни песней, ни плачем, весь художественный и литературный опыт кажется фальшью. Это невозможно назвать ни звуком, ни словом, это как сплошная боль, которая ещё усиливается от прикосновения. Как же было прикоснуться к ней, тянущейся в монотонной мелодии с неожиданно прерывающимися вскрикиваниями и

затем каждый раз мёртво замирающей и слабеющей в этом ужасном "Люленьки-лю-лю"?

"Кина" - вот как это называют в нашем народе - "Плач над Погибшим и Разрушенным"...

*Повесила б колыбель на отвесе
и качала б, качала сыночка моего Янкеле.
Но дом исчез в пламени и огне...
Где же мне укачать моего дорогого?
Люленьки-лю-лю...*

*Повесила б колыбель на деревце
и качала б, качала сыночка Шлоймо,
Но не осталось у меня шнурка от ботинка,
Не осталось и нитки от наволки...
Люленьки-лю-лю...*

*Отрезала б косы мои длинные
И на них бы повесила колыбель,
Но не знаю, где искать кости,
Косточки обоих детей моих,
Люленьки-лю-лю...*

И вырывается из горла, когда оно зажато в последнем вздохе:

*Помогите, матери, помогите
Выкричать, выплакать мой напев!..
Помогите, помогите
Убаюкать, укачать Бабий Яр...
Люленьки-лю-лю...*

И затем просто голос, просто высокие рвущиеся к равнодушному небу звуки, все слабеющие, умирающие в "Люленьки-лю-лю..."

Только память десятков тысяч погибших, как наказ - "Помнить! Помнить! Не забывать!" - дала мне силы и право вынести этот Плач к слушателям. Я и сегодня, и в этот миг не могу отыскать слов, чтобы передать, что я тогда вынесла, что я чувствую сейчас, когда притрагиваюсь к этой Святыне.

Я была одержима какой-то Силой, и она приказывала:
- Стой, умри и пой!
И я пела...

Киевляне вместе со мной пережили эти минуты.

Не аплодировали.

Только все встали с мест в молчании, в зале Киевского театра оперетты.
Я знаю: они не забыли этих минут, как и я их никогда не забуду.

Текст набран из книги "Бабий Яр". Книга издана в Израиле в 1981 году к сорокалетию "Бабьего Яра". 29 сентября 1941 года немцы расстреляли в оврагах Бабьего Яра семьдесят тысяч киевских евреев.

Книга - сборник воспоминаний, разных пронзительных материалов. Указано, что они собраны Киевским землячеством в Израиле. В предисловии к книге написано: "Эта книга собиралась по крупицам памяти. Уходит поколение Бабьего Яра, по сути - горстка оставшихся в живых. Эта книга неотменимый долг перед ними, перед нашим народом, перед собственной совестью".

Воспоминания Нехамы Лившиц - из этой книги.

TAGS: НЕХАМА ЛИФШИЦАЙТЕ

May 20th, 2020, 02:32 pm

Тяжело нам слушать, а какво исполнять песню самой певице, вкладывая в исполнение всю душу?

- Из интернета.

На следующий день Нехаму вызвали в ЦК Украины. В те годы власть всеми силами замалчивала трагедию Бабьего Яра. На месте гибели киевских евреев проектировали не то городскую свалку, не то стадион. На претензии Нехама дерзко отвечала, что все ее песни разрешены к исполнению, что она их поет всегда и всюду, а если есть какая-то проблема, так это у них, а не у нее. Дальнейшие концерты в Киеве были запрещены, а вскоре вышел приказ министра культуры, из-за которого Нехаме Лифшиц целый год не давали выступать. Допросы, обыски, постоянная слежка и угроза ареста... Каждую программу прослушивали, требовали подстрочники всех текстов. «В Минске, - вспоминает Нехама Лифшиц, - вообще не давали выступать, и когда я пришла в ЦК, мне сказали, что "цыганам и евреям нет места в Минске". Я спросила, как называется учреждение, где я нахожусь, мол, я-то думала, что это ЦК партии. В конце концов мне позволили выступить в белорусской столице, после чего в газете появилась рецензия, в которой говорилось, что "концерт был проникнут духом национализма"».

באבי יאר

פון
שיקע דריז

און געהוידעט, געהוידעט,
מיין יינגעלע, מיין שלמהל,
איז מיר ניט געבליבן
קיין פאדעם פון קיין ציד,
איז מיר ניט געבליבן
קיין בענדל פון קיין שיד.

וואלט איך אפגעשאַרן
די צעפ מינע, די לאנגע,
און אויף זיי האם וויגל,
דאס וויגל אויפגעהאנגען,
ווייס איך ניט, וואו זוכט מען
די ביינדעלעך אצינדער,
די ביינדעלעך, ודי טייערע,
פון ביידע מינע קינדער.

העלפט מיר, מאמעס, העלפט מיר
אויסקלאגן מיין ניגון,
העלפט מיר, מאמעס, העלפט מיר
דעם באבי-יאר פארוויגן.

וואלט איך אויפגעהאנגען
דאס וויגל אויף א באלקן
און געהוידעט, געהוידעט
ומיין יינגעלע, מיין יאנקל.
איז די שטוב אנטרוגען
מיט א פלאם פייער
ווי זשע קאן איך הוידען
מיין יינגעלע, מיין טייערן?
א... ליולינקע-ליו-ליו...

וואלט איך אויפגעהאנגען
דאס וויגל אויף א ביימל,